

Знал бы, что так получится, послушал бы Мэйсян и взял с собой пару пирожных. Вспоминая, как перед выходом служанка пыталась сунуть ему угощение, Е Чанлин пожалел о своем решении.

Евнух Лю Чжэнь был человеком обходительным. Благодаря дворцовому уходу он выглядел не старше тридцати с небольшим, с бледным лицом без единого волоска и мягким, не раздражающим голосом. При встрече Е Чанлин незаметно вручил ему серебряный слиток, и тот, не выказав недовольства суммой, с улыбкой принял подношение, что несколько успокоило юношу.

Войдя в зал, Е Чанлин сразу же увидел лицо Чу Чэньяо, затем, чуть поодаль, Чу Чэньси, а вдалеке — сидящего за столом мужчину средних лет в одеждах императорского желтого цвета.

Наверное, это и есть император.

— Чанлин приветствует Ваше Величество, наследного принца и князя, — сказал он, хотя и помнил, как нужно кланяться, его поклон был небрежным, а слова — не совсем правильными.

Даже церемония приветствия выглядела довольно небрежно.

Евнух Лю едва сдерживал раздражение.

Неужели второй молодой господин из дома Е такой неотесанный?

К счастью, император Юнцзя не стал придирааться.

Напротив, он нашел забавным, как Е Чанлин запинался и выглядел растерянным.

— Е Чанлин, вчера ты так уверенно разговаривал с наследным принцем, а передо мной вдруг стал запинаться, — император улыбнулся, подшучивая.

О, это он знал.

— Ваше Величество, Чанлин так поражен величием Вашего облика, что потерял дар речи, — ответил Е Чанлин смиренно, с ноткой трепета.

Чу Чэньяо, молчавший с момента прибытия, слегка приподнял бровь.

Даже Чу Чэньси был удивлен: неужели это тот самый хитрый лис, который вчера не побоялся использовать их с Чу Чэньяо?

— Поднимись, — в глазах императора появилась улыбка.

Е Чанлин внутренне вздохнул с облегчением.

Ставка на страх оказалась правильной.

Раз уж он не знал, как правильно кланяться, лучше было притвориться напуганным.

С этими мыслями он попытался встать, но ноги подкосились, и он снова упал на колени.

— Ваше Величество, ноги подкашиваются, не могу встать, — в его глазах читалась растерянность, а в голосе звучала детская обида.

Он действительно не мог встать.

Неправильно встав на колени, он онемел.

В основном в коленях.

Когда он встал на колени, он не обратил внимания, а одежда, приготовленная старой госпожой Е, была слишком легкой, и правое колено ударилось о каменный пол, отчего онемело.

Но это было несерьезно.

Он мог бы встать.

Но зачем ему это?

Услышав, что Е Чанлин не может встать, император рассмеялся. Увидев его милое, растерянное личико, он вспомнил времена, когда еще был жив министр Ян, и сердце его смягчилось.

— Лю, дайте ему стул.

— Слушаюсь.

Евнух Лю приказал слуге принести Е Чанлину маленькую скамеечку.

Что поделать, таковы правила. Даже наследный принц и князь стояли.

Е Чанлин сел на скамеечку, ведя себя тихо, скромно и послушно, даже не поднимая головы. Однако в душе он размышлял.

Так и есть.

Хотя он не понимал, почему император так благосклонен к нему, все шло как надо.

Если бы ему удалось заручиться поддержкой императора, зачем бы ему рисковать, связываясь с Чу Чэньяо?

Даже если бы это не удалось, он бы ничего не потерял.

— Е Чанлин, знаешь ли ты, почему я вызвал тебя? — Люди — существа двойственные. Узнав, что Е Чанлин — внук бывшего главного секретаря Ян, император даже вспомнил, как тот отказался от указа ради соблюдения траура по матери, что теперь казалось проявлением сыновней почтительности.

Почему? Первой мыслью Е Чанлина стало то, что император узнал об их вчерашнем разговоре с наследным принцем о политике коневодства.

Неужели наследный принц все-таки доложил об этом?

Е Чанлин украдкой взглянул на наследного принца, не подозревая, что, сидя на скамеечке, его каждое движение было видно троим, стоявшим выше.

Увидев это, император вспомнил времена, когда Ян Ляньвэнь был еще жив, и Е Чанлин часто бывал во дворце, всегда следуя за наследным принцем.

Неужели за столько лет Е Чанлин так и не изменил этой привычке?

— Ты обижался на отца? — Вспомнив прошлое, когда его собственные дети не были такими непослушными, император, думая о положении Е Чанлина в доме Е, задал этот вопрос.

Е Чанлин был озадачен таким неожиданным вопросом. Он приготовил множество хитроумных аргументов... советов, но император задал такой простой вопрос.

— Ваше Величество, Чанлин никогда не обижался на отца, — ответил он. Он ведь не был тем Е Чанлином, чтобы обижаться.

К тому же, даже если бы он был им, как взрослый человек, он бы не стал, как ребенок, обращать внимание на такие вещи.

Однако для императора слова Е Чанлина звучали иначе.

Е Чанлин был нелюбим отцом, Е Чэнцзу предпочитал наложниц жене, а старая госпожа Е и наложницы относились к нему с пренебрежением, заставляя зимой носить тонкую одежду и босиком стоять на холоде, чтобы соблюсти траур. Более того, они намеревались передать титул Е Чаньюю.

И даже в таких условиях Е Чанлин проявлял сыновнюю почтительность, узнав о болезни отца, он ночью вернулся из-за городских стен, чтобы ухаживать за ним.

А теперь вспомним его собственных сыновей. Из-за дела с бывшей императрицей наследный принц объединился с несколькими старыми министрами, чтобы выступить против назначения наложницы Чжан императрицей, даже не побоялся публично возразить ему. Другие сыновья вообще не стоят упоминания, при виде него они становились как перепуганные перепела. Что касается Чу Чэньяо, то это вообще не сын, а наказание.

Единственные, кто еще неплохо себя ведут, — это пятилетний одиннадцатый принц и седьмой принц Чу Чэньши.

Люди всегда склонны судить по себе.

Император Юнцзя был сентиментальным и ностальгирующим человеком, что видно по тому, как он благоволил наложнице Чжан, которая с детства была рядом с ним, а теперь стала императрицей.

Из-за чрезмерной любви к наложнице Чжан первая императрица умерла от ревности, а он хотел, чтобы наследный принц, которому тогда было всего десять лет, принял наложницу Чжан как новую мать.

Император так любил наложницу Чжан, что даже первая императрица умерла от ревности, но наложница Чжан тоже была ревнивой, и только наследный принц и Чу Чэньши, сын наложницы Чжан, а также младший принц получали хоть какое-то внимание от императора.

Что касается Чу Чэньяо, у других принцев хотя бы были матери, а он из-за своего происхождения подвергался издевательствам даже со стороны евнухов и служанок. Проведя детство в женских покоях, он однажды исчез, и никто не знал, что он оказался на границе, пока враги не подошли к стенам столицы, и Чу Чэньяо внезапно появился. Если бы не это, император, возможно, вообще забыл бы о существовании этого сына.

Император, совершив все это, все еще мечтал о любви и семейной гармонии, но Чу Чэньяо даже не утруждал себя притворством.

Государство управлялось на принципах сыновней почтительности, и после тысячелетнего

влияния конфуцианства это достигло болезненного уровня. Например, если открыть «Троеслобие» или «Правила для учеников», можно найти вещи, которые сейчас кажутся ужасными. Но это еще ничего, есть еще «Двадцать четыре примера сыновней почтительности».

Например, история о том, как сын лежал на льду, чтобы поймать карпа для мачехи. Если так относились к мачехе, что уж говорить о родном отце?

Разве вы не видите, что наследный принц, несмотря на свое недовольство назначением наложницы Чжан императрицей, все же называет ее матерью?

Поэтому возвращение Е Чанлина домой, чтобы ухаживать за отцом, и соблюдение траура по матери полностью соответствовали ценностям того времени. Если бы это было в эпоху Хань, он, возможно, даже был бы рекомендован как образец сыновней почтительности. Хотя, если бы это действительно было в эпоху Хань, как потомственный аристократ, сын законной жены, он вряд ли бы оказался в таком положении.

Затем император задал Е Чанлину еще несколько вопросов, в основном о матери и деде, на которые тот не знал, что ответить, и только отшучивался. Однако в глазах императора это выглядело как боль и нежелание вспоминать, и он снова вздохнул, а затем, к удивлению Е Чанлина, начал рассказывать о прошлом и, указывая на Чу Чэньси, шутил.

— В детстве ты всегда следовал за наследным принцем, почему в последние годы отдалился?

Теперь Е Чанлин понял, о ком говорил император, упоминая министра Ян — это был его дед... Е Чанлин посмотрел на императора, затем на Чу Чэньси и подумал: даже если бы он хотел следовать за наследным принцем, разве Восточный дворец был местом, куда можно просто так войти?

К счастью, император лишь упомянул это мимоходом. Е Чанлин старался быть послушным, а воспоминания о покойном Ян Ляньвэне вызывали у императора все больше симпатии к нему, и в конце он даже пригласил Е Чанлина на сегодняшний праздничный банкет.

Услышав это, наследный принц Чу Чэньси улынулся.

— Вчера случайно встретил брата Чанлина, очень соскучился, но из-за дворцовых правил не смог поговорить, — произнося это, Чу Чэньси взглянул на Чу Чэньяо, который зевнул, явно скучая.

С самого начала, когда появился Е Чанлин, он лишь мельком взглянул на него, а затем оставался равнодушным, что смутило Чу Чэньси.

Если бы Чу Чэньяо проявлял интерес к Е Чанлину, он мог бы быть уверен, что это уловка. Но

такое равнодушие... только вызывало подозрения.

<http://bllate.org/book/15199/1341705>